

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Леонид Филатов:

В ИСКУССТВЕ НУЖНЫ ПОТРЯСЕНИЯ

Что волнует сегодня актера — нашего современника, гражданина!.. Как соотносит он свое творчество с задачами, интересами, заботами, о которых бескомпромиссно шла речь на недавнем съезде кинематографистов СССР! С этих вопросов началась наша беседа с известным актером театра и кино Леонидом ФИЛАТОВЫМ.

— Искусство тогда лишь способно трогать чувства и умы, когда в нем пульсирует жизнь, ее радости, боли, проблемы, — говорит Леонид Алексеевич. — Подлинность любого творчества, в том числе и актерского, поверяется жизнью, обратной связью с ней. Я много езжу по стране, имею пристрастие к самым, что называется, «глубинкам». Аудитория разная — выступаю перед рабочими, в университетах, люблю ездить к солдатам в воинские части... Работаю «плотно»: часа два — без кинороликов, чем горжусь, ибо нет удовлетворения более полного, когда ты, актер, говоришь искренне и чувствуешь по атмосфере зала, по глазам, что людям интересно. Поддержка, мнение зрителей — что может быть нужнее? Скажу больше того: этот интерес, эти встречи втройне дороги, необходимы в трудные периоды жизни, как сейчас, например, когда я ушел из одного театра, где прожил 16 лет, в другой.

Очень часто на этих встречах слышишь зрительскую претензию, вопрос: почему в сегодняшнем искусстве нет потрясений? Искусство, что ни говори, — это система шоков. Я имею в виду эмоциональный, духовный шок — от открытия характера, от героя, который, как и ты, живет обыкновенной жизнью, озабочен всем тем же, что и тысячи его сограждан, и который при всем при том силой художественной убедительности как бы сдувает пылицу обыденности с узнаваемых вещей, заставляя задуматься о проблемах и процессах глубинных, показывает нам вариант судьбы, наполненной высоким содержанием. А много ли фильмов, спектаклей, способных перевернуть душу зрителя, заставить его заплакать или от души посмеяться, натолкнуть на какую-то важную мысль? Искусство еще есть и «будитель», создающий беспокойство, из которого возникают вопросы. А что мы видим на экране? Не много ли развелось у нас «героев», бездейственно резонерствующих, которые внушают один лишь созерцательный покой?

Я часто листаю пухлые сценарии, которые иногда даже дочитать до конца невозможно, ибо в них нет ничего изначально, нечего играть...

Есть у нас все еще такое странное, формальное, по-моему, деление фильмов на производственные, сельскохозяйственные...

— Важны не профессиональные атрибуты, не антураж для «зрелищности», а человеческие отношения. Ведь поистине: форма без содержания — звонок, который не звонит...

— Да-да, мы часто говорим о том, что в фильме должно быть то, чем мы дышим, а по профессии герой может быть кем угодно. Говорить-то мы эти правильные вещи говорим, но... Грустно бывает, когда снимается очередная лента, где внешнее, антураж заслоняют существо. К примеру, столичная студия принимает сценарий, ориентируясь на абстрактное, но категоричное: «Это нужно», не затрудняя себя объяснениями — «кому»? Народу? Начальству? Времени? Это же не секрет, что мы уже привыкли к такой вот прямой зависимости: фильм, «нужный по теме», — значит плохой, значит, скучный. Моралистический и незрелищный. Скверное воплощение, начиная со сценария, есть в результате компрометация самой идеи. Однако фильм, обреченный на провал, частенько получал высшую категорию. Примеров тому сколько угодно. Кому же нужны эти «галочки»? В результате люди, особенно молодые, утрачивают доверие к отечественному кино. Залы пустуют. Прокат подтасовывает цифры посещаемости. Падает общественный вкус, возникает предубеждение к фильмам, исповедующим «идею». И экран заполняют дешевые коммерческие поделки вроде всяких «анжелик» (глупо — зато динамично, сюжетно, неморалистично). Все это отмечалось на съезде кинематографистов; важно, чтобы острота эта осталась не на листах стенограмм, а дело сдвинулось.

Идею нужно защищать талантом, а не назидательностью, и тогда получится настоящий идейный фильм, как «Чапаев», например. Только талантливый, свежий, острый, полемический сценарий сможет служить импульсом для рождения талантливого фильма. Кино ждет освежающего ветра благотворных перемен. Оно полно надежд.

— Вот тут я вижу у вас письма, авторы которых спрашивают, зачем вы снимались в слабом фильме...

— В каждом возрасте у человека есть жажда высказаться. Я это называю «жаждой сообщения» — о пережитом, увиденном, выстраданном. Сорокалетний, например, иначе смотрит на вещи, чем он же в 25, иначе строит свой «крик» — он может быть и тише, и аккуратнее, без претензии охватить неохватное. Поэтому даже через средний сценарий можно сделать сообщение «о времени и о себе», если в сценарии этом есть хотя бы намек на неординарную судьбу — актер надеется этот «намек» углубить, превратить в характер. Не всегда эти надежды оправдываются.

Актер очень зависит от материала, и, если исходные данные неверные, бессмысленно даже что-то выстраивать, конструировать. Выясняется, что история пустячная, и зритель начинает раздражаться, сначала даже не понимая, почему...

Актерское дело капризное. Сценарии хорошие нечасто, а любая пауза — и уходит профессия. Но есть и другое: часто все попытки актера не просто спасти слабую роль, а и что-то создать

более значительное могут быть сведены на нет.

— Что вы имеете в виду?

— Монтаж, например. Кстати, раньше, как правило, монтировали картину сами режиссеры — теперь это делают монтажеры. «Слепим восьмерочку такую классическую, снимем отсюда два крупных плана, и чтобы не одни «говорящие головы» на экране, а чтоб было ощущение чего-то такого, потом — общий план...» Получается: снимать кино — это как научиться водить автомобиль! Но тогда это не может быть искусством! Потом во время сдачи картины появляется армия советчиков. Какие-то сцены предлагается вырезать просто потому, что это раздражает чей-то вкус. (Кстати, поэтому авторским кино тяжело заниматься). Бывает и так, что часто роль просто уродуется. И справедливо негодует зритель: он-то думал, что ты и поумнее, и поотчаянее. Но как ему объяснить, что слишком много подчас против искусства! А за фильм, между прочим, никто, кроме режиссера и актера, не отвечает...

— Так выходит, что серые фильмы — только на совести «советчиков»!

— Нет, конечно! Было бы абсолютно нечестным сваливать на них все неудачи. В первую очередь надо говорить об ответственности самих художников. Ведь не секрет, что люди иногда слишком легко с собой договариваются. А серый фильм — часто результат суммы компромиссов.

Есть у нас мастера талантливые, достойные уважения. Они-то и в худшие времена долгих пауз между фильмами не теряют выдержки, отказываясь от плохих сценариев, не идя на компромиссы. Суета съедает мир. Не хватает воли ждать, верить...

Да, есть у нас замечательные режиссеры — Алексей Герман, Никита Михалков, Сергей Соловьев, Роман Балаян. Можно назвать еще имена, но их могло бы быть и больше в такой огромной стране с таким огромным количеством кинофабрик. А в кино, грубо говоря, развелось слишком много мелочи, слишком много «творцов» с хватательным рефлексом и слишком мало элементарного стыда...

— А мелькание серости на экранах соответственно девальвирует вкусы зрителя...

— Тут прямая связь. Убежден: надо завешать планку, а не занижать и ориентироваться на думающих людей, которых больше, чем обывателей.

Такой пример. Мне близка картина Константина Худякова «Успех». Мне дороги точные замечания зрителей, чувствующих подчас нюансы этой ленты в большей степени, чем многие кинокритики. Мы хотели показать, что такое профессия режиссера, то есть человека, не имеющего другого способа, как на себе, так сказать, испробовать все «прививки», потому как иначе в этой профессии и невозможно.

Но были в письмах и такие вопросы: «Что же вы играете героя таким обаятельным, ведь он — отрицательный. Да? Или нет?» Ну, никак не можем отойти от стереотипов.

Вот и в школе. Приходит какой-нибудь девятиклассник с уроков и говорит: «Папа, а разве «Ионыч» — это сатира?» — «А как ты сказал?» — «Что это драма, крушение человека с идеалами...» — «Правильно сказал». — «Да? А учительница мне поставила двойку и добавила: «Очень жаль, что ты не понял Чехова — это сатирический рассказ». На другой день ребенок пойдет в школу и будет говорить только то, что необходимо такой учительнице, оставаясь при своем мнении.

Стереотипы! И, между прочим, они живы при большой «помощи» той же серой, безликой кинопродукции.

И недаром боролся Ролан Быков за то, чтобы не пустить в купюры один «золотой», по-моему, кадр в «Чучеле», который длится на экране секунд 30: директриса, если помните, просто стоит, ничего не говорит... Но ее появление врезается в память, и кое-кто стал говорить, что таких учителей не может быть. А та учительница по литературе, между прочим, вполне реальное лицо...

Я думаю, искусство не может давать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые ставит время. Искусство — вещь интуитивная, и его задача ставить вопросы перед обществом, смягчать нравы, но и это — задача колоссальная. Даже если на микрон перестроится постепенно какая-то частица сознания в сторону добра, порядочности — это уже много. А для этого нужна в искусстве правда, та мера искренности, которая превышает все остальное. Без ложной риторики и демагогии, с подлинно гражданских позиций. Об этом говорилось и на XXVII съезде партии. И не худо кинодеятелям держать в уме шукшинское: «Нравственность — это правда!» И именно за это качество я очень люблю прозу Распутина, Трифонова, Астафьева...

Произведения таких художников создают мощное нравственное поле, попав в которое, читатель, зритель не может не задуматься о смысле собственной своей жизни, о том, как много зависит от нашего собственного выбора: будет ли судьба наша достойной или нет. Заставит человека ощутить себя не щепкой в потоке истории, а ее, не побоюсь громко сказать, творцом — это и есть одна из важнейших миссий всякого искусства.

Беседу вела
Т. ОКУЛОВА.